

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КЛИМАТ И ПРАВО

КАК СФОРМУЛИРОВАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ СПРАВЕДЛИВОГО «ЗЕЛЁНОГО БУДУЩЕГО»

ИВАН ГУДКОВ

МАРК ЭНТИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье исследуются юридические и политические аспекты образа «зелёного будущего» человечества, на который должен быть ориентирован международный режим защиты климата. В первой части статьи дана систематизация выводов, сделанных Международным судом ООН в консультативном заключении 2025 г. о международно-правовых климатических обязательствах государств. Во второй части на основе анализа решений конференций Рамочной конвенции ООН об изменении климата и докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата раскрывается текущий статус международно-правового режима защиты климата. Сделан вывод о том, что за последние пять лет в мире произошло реформирование международного режима защиты климата по сценарию «зелёной энергетической революции», который предполагает ускоренный переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии. В результате такого реформирования на глобальном межправительственном уровне был закреплён тезис о климатической неприемлемости всех видов ископаемого топлива, что было подтверждено Международным судом ООН, отразивший в своем заключении формирующуюся презумпцию противозаконности деятельности в области финансирования, разведки, разработки и потребления углеводородного сырья. В третьей части статьи предложена модель комплексной интегрированной оценки устойчивости и безопасности «зелёного перехода», в рамках которой проанализированы риски и вызовы сценария «зелёной энергетической революции» и изучены возможные альтернативные сценарии.

Ключевые слова:

энергетическое и климатическое право и политика; выбросы парниковых газов; сокращение выбросов; поглощение парниковых газов; ископаемое топливо; энергетический переход; Международный суд ООН; консультативное заключение; международные обязательства по защите климата; РКИК; Парижское соглашение; МГЭИК.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2025

Дата принятия к публикации: 09.10.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: entinmark@gmail.com

“Россия должна как можно скорее сформулировать свою ослепительную мечту, своё сказочное будущее, как это делали все предшествующие поколения. Как это делали старообрядцы со своим Беловодьем, отцы православной церкви с Царствием Небесным, большевики с бриллиантовым коммунизмом”

Александр Проханов.
Русские – будетяне // Газета «Завтра». 15.04.2025.

В ноябре 2025 г. в бразильском городе Белен пройдёт 30-я конференция ООН по изменению климата (далее – КС), на которой страны представят свои обновлённые и более амбициозные климатические планы – так называемые «определяемые на национальном уровне вклады» (далее – ОНУВ).

Помимо универсальной площадки – КС – борьба с изменением климата входит в перечень приоритетных тем ряда других межгосударственных организаций и объединений, как регионального (ЕС), так и надрегионального охвата (БРИКС).

«Содействие сбалансированному и справедливому переходу к низкоуглеродной экономике» вошло в число приоритетов завершившегося в 2024 г. председательства России в БРИКС+. По итогам состоявшегося в прошлом году форума в Москве страны объединения приняли Рамочную основу по климату и устойчивому развитию, а также подготовили Меморандум о взаимопонимании по Партиёрству БРИКС по углеродным рынкам. В число итоговых

договорённостей, зафиксированных в документах саммита БРИКС в Казани, вошло намерение «укреплять сотрудничество по целому ряду решений и технологий, способствующих сокращению и улавливанию выбросов парниковых газов»¹.

Неэффективность Парижского соглашения в деле достижения поставленной им глобальной климатической цели по удержанию роста температуры в пределах 1,5–2 градусов Цельсия от доиндустриального уровня; анонсированный в начале 2025 г. повторный выход США из этого соглашения; социально-экономические издержки амбициозного «зелёного курса» ЕС; переосмысление бизнес-сообществом подходов к вопросам экологического, социального и корпоративного управления зачастую рассматриваются в качестве очевидных признаков кризиса современной климатической повестки².

Тем не менее сама по себе зелёная повестка актуальности не утрачивает, что признают в том числе официальные органы власти Российской Федерации³, а

¹ Казанская декларация по итогам Саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh020L3Hk.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

² Сергеев М. В Европе и США отвергают старую климатическую повестку // Независимая газета. 13.01.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-01-13/1_9169_neutrality.html (дата обращения: 22.09.2025); Сергеев М. США отдают Китаю лидерство в климатической повестке // Независимая газета. 23.02.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-02-23/1_9198_leadership.html (дата обращения: 22.09.2025); Мединский А. Борис Титов: повестка устойчивого развития находится под прессом // Московская газета. 04.04.2025. URL: <https://mskgazeta.ru/ekonomika/boris-titov-povestka-ustojchivogo-razvitiya-nahoditsya-pod-pressom-14704.html> (дата обращения: 22.09.2025).

³ Минэкономразвития: оснований для выхода из Парижского соглашения сейчас нет // Министерство экономического развития Российской Федерации. 14.02.2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_osnovaniy_dlya_vyhoda_iz_parizhskogo_soglasheniya_seychas_net.html (дата обращения: 22.09.2025).

запущенный в её рамках процесс трансформации мировой экономики набирает обороты, о чём свидетельствуют объективные факты [Crowley-Vigneau et al 2023]. Так, исполнительный секретарь Рамочной конвенции ООН об изменении климата (далее – РКИК) Саймон Стил в начале 2025 г. заявил: «Переход к чистой энергии уже не остановить, ведь в прошлом году в чистую энергетику и инфраструктуру было вложено 2 трлн долл., что в два раза превышает инвестиции в ископаемое топливо»⁴.

В свою очередь Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттерриш в июле 2025 г. в очередной раз обратился к странам с призывом зафиксировать в своих обновлённых ОНУВ ускоренный переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии (далее – ВИЭ). Он отметил резкое сокращение себестоимости ВИЭ, фактически состоявшееся перераспределение инвестиционных средств в ТЭК в пользу ВИЭ, а также высокие риски безопасности, проявившиеся в последние годы в связи с зависимостью от углеводородного сырья. Всё это свидетельствует о прохождении точки невозврата в энергетическом переходе и неизбежный закат эры углеводородов. По мнению А. Гуттерриша, этого удалось добиться в ходе «чистой энергетической революции», осуществленной за десять лет с момента принятия в 2015 г. Парижского соглашения⁵.

Сценарий упомянутой А. Гуттерришем «чистой» или «зелёной» «энергетической революции» был изначально инициирован, разработан и активно продвигался Международным энергетическим агентством

(далее – МЭА), которое представляет интересы стран коллективного Запада и обеспечивает их энергетическую безопасность. В 2021 г. МЭА опубликовало, а в 2023 г. обновило «Дорожную карту пути к нетто-нулевым выбросам», моделирующую процесс вытеснения ВИЭ ископаемого топлива с лидирующих позиций в мировом энергетическом балансе к 2050 году⁶. Сценарий, который само МЭА амбициозно называет нормативным, основан на таких предпосылках, как запрет на новые долгосрочные инвестиции в ископаемое топливо и максимизация использования ВИЭ в качестве источников, замещающих ископаемое топливо при удовлетворении текущего и нового спроса. Тезис МЭА о «начале конца эпохи ископаемого топлива», озвученный в 2023 году, вызвал резкую критику со стороны ОПЕК. В своём прогнозе МЭА заявило, что пик мирового спроса на углеводороды будет пройден уже до 2030 года⁷.

Высокую актуальность климатической повестки подтверждают и принятые в 2024–2025 годах консультативные заключения двух международных органов правосудия – Международного трибунала по морскому праву и Международного суда ООН, существенно укрепившие юридическую эффективность действующих международно-правовых обязательств в сфере защиты климата.

21 мая 2024 г. Международный трибунал по морскому праву своим заключением признал, что предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция по морскому праву) обязательства государств по защите морской среды

⁴ Сакамото М. Саймон Стил: переход к чистой энергии уже не остановить // Официальный сайт ООН. 02.02.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461091> (дата обращения: 22.09.2025).

⁵ Mishra V. UN's Guterres declares fossil fuel era fading; presses nations for new climate plans before COP30 summit // United Nations. 22.07.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/07/1165460> (accessed: 22.09.2025).

⁶ IEA. Net Zero by 2050 // URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (accessed: 22.09.2025).

⁷ Боровикова К. ОПЕК и МЭА не сошлись спросом. Картель ожидает сохранения доминирования нефти на энергорынке в ближайшие 20 лет // Коммерсант. 09.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6266540> (дата обращения: 22.09.2025).

от загрязнений включают в себя обязательство по её защите от изменения климата⁸.

23 июля 2025 г. Международный суд ООН (МС ООН) единогласным решением пятнадцати судей, представляющих развитые и развивающиеся страны, принял исторически значимое консультативное заключение об обязательствах государств в сфере защиты климата⁹. Данное заключение было подготовлено в ходе рассмотрения, которое длилось более двух лет и стало рекордным по числу участвовавших в нём государств: свои позиции заявили более 90 стран. В нём сформулированы принципиально значимые общие ответы на наиболее важные вопросы, которые окажут стимулирующее долгосрочное и стратегическое воздействие на формирование правоприменительной практики на глобальном, региональном и национальном уровнях¹⁰.

В настоящей статье исследуется политико-юридический аспект ключевого вопроса климатической политики: как должен быть определён образ «зелёного будущего», служащий ориентиром для международного режима защиты климата? Сводится ли этот образ исключительно к «зелёной энергетической революции», предполагающей ускоренный переход от ископаемого топлива к ВИЭ? Какие существуют альтернативы данному образу? В какой степени действующий международно-правовой режим ориентирован на сценарий «зелёной энергетической революции»? Какие средства доступны для практического продвижения альтернативных сценариев?

В первой части статьи исследуются выводы МС ООН о климатических обязательствах сторон. Вторая часть посвящена анализу текущего статуса международно-правового режима защиты климата, отражающего вектор движения в сторону «зелё-

ной энергетической революции». В третьей части предложена модель комплексной интегрированной оценки устойчивости и безопасности зелёного перехода, в рамках которой проанализированы риски сценария «зелёной энергетической революции», а также изучены возможные альтернативные сценарии.

Заключение Международного суда ООН: международное право обязывает государства защищать климат

В заключении МС ООН содержатся ответы на два ключевых вопроса, поставленных перед ним Генеральной Ассамблеей ООН в 2023 году. Первый вопрос касался определения объёма обязательств государств по защите климата в соответствии с действующими международными соглашениями, включая, но не ограничиваясь, климатическими договорами. Второй вопрос был посвящён установлению юридических последствий для государств, которые своими действиями или бездействием причинили существенный вред климатической системе и другим компонентам окружающей среды.

Суть сформулированных в консультативном заключении ответов МС ООН сводится к следующему.

Во-первых, МС ООН очертил круг источников международно-правовых обязательств по защите климата. По мнению Суда, обязательства по защите климатической системы как неотъемлемой и жизненно важной части окружающей среды вытекают не только из международных климатических соглашений, таких как РКИК, Киотской протокол и Парижское соглашение, но также и из множества иных источников права. К таковым относятся международные соглашения, содержащие нормы о защите окружающей природной среды и

⁸ Request For an Advisory Opinion Submitted by The Commission of Small Island States on Climate Change and International Law Advisory Opinion // International Tribunal for The Law of The Sea. 21.05.2024. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (accessed: 22.09.2025).

⁹ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion // International Court of Justice. 23.07.2025. URL: <https://www.icj-cij.org/case/187> (accessed: 22.09.2025).

¹⁰ См. подробный анализ данного консультативного заключения [Гудков, Энтин 2025].

прав человека, а также международные обычаи, два из которых – принцип предотвращения трансграничного вреда и принцип сотрудничества государств – являются ключевыми в контексте защиты климата.

МС ООН исходит из того, что международно-правовые нормы о защите климата следует толковать и применять с учётом решений КС и в свете докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Этим двум категориям документов отводится важная роль.

Решения КС, как установил МС ООН, могут выполнять функцию «последующих соглашений», уточняющих значение базовых конвенционных норм. В той степени, в которой решения КС «отражают практику государств и выражают *opinio juris* государств, они также могут быть актуальны для определения международного обычного права»¹¹.

В свою очередь, доклады МГЭИК «представляют собой наилучшую доступную научную информацию о причинах, характере и последствиях изменения климата»¹², что наделяет их преимущественной силой перед другими научными доказательствами.

Во-вторых, МС ООН признал наличие инструментария для возбуждения и рассмотрения климатических споров в международных инстанциях. Из того, что источниками обязательств по защите климата служат не только международные климатические соглашения, лишённые в настоящее время эффективно работающих механизмов обязательного разрешения споров, но также и иные источники, включающие такие механизмы (в том числе Конвенция по морскому праву и ряд соглашений о защите прав человека), следует наличие процессуальных возможностей для возбуждения и разрешения в соответствующих международных инстанциях как международных «горизонтальных» споров по поводу нарушения климатических обязательств одних государств перед другими, так и «вертикальных» споров между част-

ными лицами и государствами по поводу нарушения последними климатических прав человека. Если предметом спора является нарушение международного обычая, он может быть передан на разрешение самого МС ООН при условии, что и государство-истец, и государство-ответчик признают его юрисдикцию. Тем самым – через подтверждение доступа к выбору эффективных механизмов разрешения споров – с одной стороны, решается проблема неэффективности действующих международных климатических соглашений, а с другой – закладывается потенциал для передачи на рассмотрение в международные инстанции весьма чувствительных вопросов как о соответствии международному праву национальных климатических стратегий, политик и мер, в том числе ОНУВ, так и о возмещении причиненного климатической системе ущерба.

В-третьих, МС ООН сформулировал общие стандарты, которыми международные инстанции, а также национальные и региональные правоприменительные органы, могут руководствоваться при разрешении конкретных споров.

Наиболее значимым обычно-правовым климатическим обязательством всех без исключения государств, вне зависимости от их участия в международных климатических соглашениях, является обязательство предотвращать значительный ущерб климатической системе и другим компонентам окружающей среды. В соответствии с этим обязательством международно-правовая ответственность государства возникает, если оно не принимает всех мер, которые были в его силах, для предотвращения значительного ущерба. Применимым стандартом для оценки выполнения этого обязательства служит концепция «должной осмотрительности» (*due diligence*).

Ключевым конвенционным обязательством, связывающим стороны международных климатических соглашений, является последовательное усиление механиз-

¹¹ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 288.

¹² Ibid. Paragraphs 74, 284.

мов ОНУВ и принятие мер по их выполнению. ОНУВ стороны должны отражать «ей максимально возможные амбиции». Хотя этот термин не определён в Парижском соглашении, МС ООН считает, что «уровень амбиций, который должен быть отражён в ОНУВ стороны, не оставлен полностью на усмотрение сторон... Содержание ОНУВ стороны должно, во исполнение её обязательств по Парижскому соглашению, быть способным вносить адекватный вклад в достижение температурной цели»¹³. Амбиции, содержащиеся в ОНУВ стороны, должны быть связаны с объектом и целью Соглашения, изложенными в статье 2, то есть с удержанием роста глобальной средней температуры на уровне ниже 1,5°C. Именно эту цель Суд истолковал как основной температурный показатель в соответствии с Парижским соглашением¹⁴.

В части регулирования отношений ответственности за нарушение климатических обязательств надлежит руководствоваться обычно-правовыми нормами об ответственности, кодифицированными Комиссией международного права в проекте Статей об ответственности государств за международно-противоправные действия (далее – проект Статей об ответственности государств)¹⁵.

Несмотря на то что МС ООН признал особую специфику климатических правонарушений, он выразил определённый оптимизм относительно возможностей их правовой оценки. По мнению Суда, существующие нормы международного права в сочетании с современными научными данными об изменении климата предоставляют в целом достаточные основания для идентификации нарушителей и применения к ним соответствующих правовых мер¹⁶.

Важно, что МС ООН наделил международные климатические обязательства высоким статусом *erga omnes*¹⁷ (обязательства в отношении международного сообщества в целом) и тем самым заложил основу для применения мер имплементации ответственности за их нарушения со стороны любых, а не только потерпевших, государств, с той оговоркой, что возмещение вреда в виде реституции, компенсации и сatisфакции вправе требовать только потерпевшие государства¹⁸. В то же время «в контексте изменения климата возмещение вреда в виде компенсации может быть сложно рассчитать, поскольку обычно существует степень неопределённости относительно точного размера причинённого вреда»¹⁹.

Поскольку МС ООН предусмотрел ответственность только за международно-противоправные действия, а не за правомерную, но причинившую вред климату деятельность, он фактически исключил ответственность за основной вред, причиненный климатической системе развитыми странами своими историческими антропогенными выбросами в период с начала промышленной революции (середина XIX века) до появления международно-правовых обязательств в сфере защиты климата (вторая половина XX века).

В то же время консультативное заключение МС ООН можно считать значимым инструментом «зелёной энергетической революции», поскольку оно отражает беспрецедентно негативное отношение к ископаемому топливу. Во втором и третьем предложениях параграфа 427 его мотивировочной части указано следующее: «Непринятие государством надлежащих мер по защите климатической системы от выбросов парниковых газов, в том числе посред-

¹³ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 242.

¹⁴ Ibid. Paragraph 242.

¹⁵ Ibid. Paragraph 418.

¹⁶ Ibid. Paragraphs 427–454.

¹⁷ О роли обязательств *erga omnes* в сфере применения односторонних ограничительных мер см. [Гудков, Энтин 2025].

¹⁸ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraphs 440-443.

¹⁹ Ibid. Paragraph 454.

ством производства и потребления ископаемого топлива, выдачи лицензий на разведку ископаемого топлива или предоставления субсидий на ископаемое топливо, может представлять собой международно-противоправное деяние, приписываемое этому государству. Суд также подчеркивает, что рассматриваемым международно-противоправным деянием является не выброс парниковых газов как таковой, а нарушение договорных и обычных обязательств ... защиты климатической системы от значительного вреда, причиняемого антропогенными выбросами таких газов».

Эта цитата имеет признаки формирующейся пока что в рамках необязательного консультативного заключения, но значимой презумпции противозаконности деятельности государств в области финансирования, разведки, разработки и потребления углеводородного сырья. Несмотря на обтекаемость формулировки – «может представлять... международно-противоправное деяние», она чётко отражает негативное отношение к ископаемому топливу. Поскольку данная деятельность (и только она) помещена в открытый перечень климатически вредоносного поведения, это позволяет отнести её к частному, но при этом единственному поименованному проявлению «непринятия государством надлежащих мер по защите климатической системы».

Учитывая что обычно-правовое обязательство, применимое ко всем без исключения государствам, включает «принятие всех мер, которые были в силах государства, для предотвращения значительного ущерба климатической системе», его, предположительно, будут трактовать как подразумевающее необходимость посильного ограничения или запрета добычи ископаемого топлива. Это связано с тем, что именно данная деятельность – и только она – прямо названа в заключении вредоносной для климата, причём без каких-либо квалифицирующих условий.

Не признавая возможности компенсации исторического вреда, причинённого климату правомерной в прошлом деятель-

ностью и одновременно закрепляя безусловно негативное отношение к ископаемому топливу, консультативное заключение Суда направляет развивающимся государствам Глобального большинства сигнал, который можно интерпретировать следующим образом: не следует особенно рассчитывать на получение компенсации за причинённый развитыми странами исторический климатический ущерб, но самостоятельно добывать или использовать ископаемое топливо – не только безусловно вредно для климата, но и рискованно в юридическом отношении .

Тезис о безусловной вредоносности и потенциальной незаконности деятельности в области ископаемого топлива будет, вероятно, широко использоваться идеологами «зелёной энергетической революции», в том числе для того, чтобы обосновывать пограничные корректирующие углеродные механизмы, не учитывающие природные компенсационные решения в качестве надлежащей нейтрализации углеродного следа от ископаемого топлива, и для того, чтобы навязывать развивающимся странам отказ от ископаемого топлива в качестве необходимого условия получения финансово-технологического содействия «зелёному переходу». Само же это содействие, исходя из формирующейся в последние годы практики «партиёрств справедливого перехода», будет сведено к выдаче кредитных и отчасти грантовых средств целевого характера на приобретение оборудования для производства и использования ВИЭ, что расширит перспективы перевода развивающихся стран в новую форму колониальной финансово-технологической зависимости [Гудков 2024].

Текущий статус международной климатической повестки: вектор в сторону «зелёной энергетической революции»

Историю международного режима защиты климата принято отсчитывать с 1992 года, когда была заключена РКИК. За первые три десятилетия (1992–2021) его развития, отмеченные заключением

Киотского протокола (1997), Парижского соглашения (2015), ежегодными (за рядом исключений) решениями КС и оценочными докладами МГЭИК, вопрос об ограничении использования ископаемого топлива оставался фактически табуированным. Ни в нормах самих соглашений, ни в решениях КС, ни в докладах МГЭИК не закреплялись прямые меры, направленные на сокращение добычи или потребления ископаемых видов топлива, хотя и признавалось, что именно их сжигание является основной причиной антропогенных выбросов парниковых газов.

Ситуация начала кардинально меняться за последние пять лет. В ноябре 2021 г. в рамках КС-26 путём консенсуса был принят Климатический пакт Глазго²⁰, в параграфе 20 которого было снято табу на универсальное климатическое регулирование отношений, связанных с ископаемым топливом. В результате долгих и напряжённых дискуссий, в том числе проходивших за закрытыми дверями между делегациями пяти стран-участниц, в проект пакта по инициативе, которую ряд СМИ приписывают делегации США, был включён пункт о «постепенном сворачивании» (*phase down*) использования «угольной электроэнергетики с несокращёнными выбросами» (*unabated coal power*). Несмотря на то что данный термин был использован впервые, его определение в тексте пакта приведено не было. Из-за расхождений между языковыми версиями документа сохранилась возможность двойкой интерпретации этого понятия: узкой – как угольной генерации, выбросы от которой не сокращаются непосредственно у источников, и широкой – как угольной генерации, выбросы от которой не сокращаются у источников и при этом не компенсируются поглощением эквивалентного объёма парниковых газов

из атмосферы [Гудков 2024]. При широкой трактовке в качестве климатически приемлемой – не подлежащей «постепенному сворачиванию» – угольной генерации «с сокращёнными выбросами» (*abated coal power*) можно было бы квалифицировать генерацию, актуальные выбросы от которой у источников хотя и не сокращены, но сбалансированы поглощением соответствующего объёма ранее накопленных в атмосфере парниковых газов.

В 2022–2023 годах МГЭИК опубликовала документы Шестого оценочного цикла²¹, в которых впервые за всю историю исследований была чётко обозначена прямая связь между климатической и энергетической политикой. В этих документах с научной точки зрения обосновывалось, что для достижения основной глобальной температурной цели требуется значительное сокращение в общемировом использовании не только угля, но и всех видов ископаемого топлива. Именно тогда стало очевидным, что МГЭИК, закрепляя в принципиальном ключе климатическую неприемлемость углеводородного сырья, осуществляет имеющую долгосрочные стратегические последствия научную мотивировку «климатического приговора» ископаемому топливу [Гудков 2023]. Так, в обобщающем докладе МГЭИК отмечалось, что для достижения основной глобальной температурной цели требуется к 2050 г. добиться «существенного сокращения в общем объёме» использования всех видов ископаемого топлива, при сохранении «минимального использования» лишь «ископаемого топлива с несокращёнными выбросами» (*unabated fossil fuels*)²². По расчётом Рабочей группы III МГЭИК, «в сценариях с наибольшей вероятностью ограничения потепления 1,5 °C..., без использования технологий улавливания и хранения углерода,

²⁰ Decision 1/CMA.3 Glasgow Climate Pact // UNFCCC. 31.10.2021 URL: <https://unfccc.int/decisions?%5B0%5D=conference%3A4301> (accessed: 22.09.2025).

²¹ Lee H. and Romero J. (eds.) Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers // Intergovernmental Panel on Climate Change. 2023. 36 p. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf (accessed: 22.09.2025).

²² Lee H. and Romero J. (eds.) Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Paragraph C.3.2.

использование угля, нефти и газа должно сократиться в среднем на 100, 60 и 70 процентов соответственно к 2050 году»²³.

В двух сносках к докладу были даны определения, индикативно (неисчерпывающим образом) раскрывающие содержание термина «ископаемое топливо с несокращёнными выбросами», имеющего ключевое значение, поскольку использование именно этой категории ископаемого топлива является климатически неприемлемым и подлежит сведению к минимуму. Согласно данным определениям, «ископаемым топливом с несокращёнными выбросами» считается топливо, выбросы от которого в атмосферу существенно не сокращены у источников за счёт вмешательства человека²⁴. Тем самым была исключена возможность квалифицировать в качестве климатически приемлемого «ископаемого топлива с сокращёнными выбросами» (*abated fossil fuel*) углеводородное сырье, выбросы парниковых газов от которого не сокращены человеческим вмешательством у источников, а компенсированы поглоще-

нием эквивалентного объёма парниковых газов из атмосферы. По логике МГЭИК, сокращение выбросов от ископаемого топлива у источников может достигаться, в частности, за счёт технологии “*carbon capture and storage*” (“CCS”: улавливание и хранение углерода), в то время как поглощение парниковых газов из атмосферы (*carbon dioxide removal, CDR*), в интерпретации МГЭИК, не равнозначно упомянутому технологическому улавливанию у источников (*carbon capture*, являющейся частью CCS), а выделено в отдельную, самостоятельную категорию²⁵. Исходя из подхода МГЭИК, поглощение (в том числе природное) парниковых газов из атмосферы до достижения общемирового «нетто-нулевого» показателя должно по остаточному принципу дополнять, но не заменять собой существенное сокращение выбросов у источников, что отражает также продвигаемый Секретариатом ООН подход к определению «нетто-нулевой» установки, которая не дефинирована на конвенционном уровне²⁶. Согласно данному подходу, глобаль-

²³ Shukla P. R., Skea J., Reisinger A. [et al.] (eds.) Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Working Group III Contribution to the IPCC Sixth Assessment Report // Intergovernmental Panel on Climate Change. 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_SummaryForPolicymakers.pdf (accessed: 22.09.2025). Р. 24. Paragraph C.3.2.

²⁴ Lee H. and Romero J. (eds.). Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Р. 20, 28. Прим.: В источнике термин “*abatement*” в сноске № 42 определён как «вмешательства человека, сокращающие выбросы ПГ от инфраструктуры ископаемого топлива в атмосферу», а в сноске № 51 «ископаемое топливо с несокращёнными выбросами» (“*unabated fossil fuels*”) определено как «ископаемое топливо, произведенное и используемое без вмешательств, которые существенно сокращают объёмы ПГ, выбрасываемых в течение жизненного цикла, например, улавливающих 90% или более CO₂ от электростанций или 50–80% от фугитивных выбросов метана при энергетических поставках».

²⁵ Термин «поглощение» (“*carbon dioxide removal*”) МГЭИК в приложении-глоссарии к докладу 2018 года определяет как «антропогенную деятельность по поглощению CO₂ из атмосферы и его длительному хранению в геологических, земных или океанических резервуарах, или в продуктах. Она включает существующее и потенциальное антропогенное расширение биологических или геохимических поглотителей и прямое улавливание из воздуха и хранение, но исключает естественное поглощение CO₂, прямо не вызванное человеческой деятельностью». См.: Matthews, J.B.R. (ed.) Annex I: Glossary. In: Masson-Delmotte, V., P. Zhai, H.-O. Pörtner [et al.] (eds.) Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty. Cambridge University Press: Cambridge, UK and New York, NY, USA. Р. 541–562. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2022/06/SR15_AnnexI.pdf (accessed: 22.09.2025).

²⁶ Lost in Translation Lessons from the IPCC’s Sixth Assessment on the Urgent Transition from Fossil Fuels and the Risks of Misplaced Reliance on False Solutions // Center for International Environmental Law. URL: <https://www.ciel.org/wp-content/uploads/2023/03/Lost-in-Translation-Lessons-from-the-IPCCs-Sixth-Assessment.pdf> (accessed: 22.09.2025).

ные выбросы должны быть сокращены до уровня, максимально близкого к нулю, и лишь остаточные выбросы, которые невозмож но или крайне затруднительно сократить у источников (*hard-to-abate*), подлежат балансировке при помощи поглощения из атмосферы [Гудков 2023].

Поскольку, согласно правилам процедуры, основные выводы, содержащиеся в разделе «Резюме для политиков» докладов МГЭИК, утверждаются построчно консенсусом всех государств в лице их официальных представителей, указанные выше установки отражают формальное межправительственное универсальное согласие и в отсутствие возражений со стороны государств в силу принципа эстоппель становятся частью не только научного, но и международного политico-правового ландшафта²⁷.

В заданной МГЭИК логике развиваются и дальнейшие исследования в области климатических изменений. Констатируя отсутствие консенсуса среди международного сообщества по вопросу о том, какие конкретно объёмы «существенного сокращения» выбросов должны быть достигнуты, чтобы отнести ископаемое топливо к категории «с сокращёнными выбросами» (то есть какой порог существенности применяется и какой конкретно должна быть необходимая «доля улавливания»), эксперты исходят из того, что базовый подход теперь чётко зафиксирован и не подлежит пересмотру. Согласно этому подходу, основной объём выбросов необходимо сокращать именно у источников, а не компенсировать за счёт поглощения из атмосферы; конкретные же расчёты, выполненные на этой основе, показывают, что сокращению подлежат не менее 95% выбросов, а балансировке поглощением не

более 5% [Bataille, Bashmakov, Khourdajie et al 2025].

Вскоре после выхода Шестого оценочного доклада МГЭИК, в декабре 2023 года, в рамках КС-28 в Абу-Даби консенсусом всех государств было принято решение, утвердившее первое «глобальное подведение итогов Парижского соглашения»²⁸. Впервые в истории на уровне универсального межправительственного документа был зафиксирован термин «энергетический переход», закреплена установка на «переход от ископаемого топлива в энергетических системах» (*transitioning away from fossil fuels in energy systems*) к 2050 г. и на одновременное утречение глобальных мощностей ВИЭ уже к 2030 году. Причём сделано это было вопреки тщетным усилиям ОПЕК убедить своих членов воспрепятствовать принятию документа, содержащего какие-либо ссылки на ископаемое топливо, а не только на эмиссии парниковых газов²⁹. Установка на «отход от ископаемого топлива» была символично помещена в центр перечня действий по борьбе с изменением климата, содержащегося в параграфе 28 решения КС-28. Этот перечень сформулирован как комплексный план, в реализацию всех пунктов которого в их совокупности каждое государство привзвано внести свой вклад с учётом своих «национальных обстоятельств, путей и подходов». Тот факт, что переход от ископаемого топлива призваны осуществлять именно «в энергетических системах», на практике существенно не сужает предметный охват этой установки. Это объясняется тем, что МГЭИК трактует термин «энергетические системы» крайне широко, включая в него не только электроэнергетику, но и любую физическую и социальную инфраструктуру, связанную с энергией.

²⁷ По этой причине англоязычное наименование МГЭИК («IPCC» – «Intergovernmental Panel on Climate Change»), не включающее слово «эксперты», более ёмко и правильно отражает суть этого органа не как «экспертного клуба», а как полноценного межправительственного института.

²⁸ UNFCCC Decision FCCC/PA/CMA/2023/L.17 // United Nations. 13.12.2023. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed: 22.09.2025).

²⁹ Carrington D. OPEC rails against fossil fuel phase-out at Cop28 in leaked letters // Guardian. 08.12.2023. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/dec/08/opec-rails-against-fossil-fuel-phase-out-at-cop28-in-leaked-letters> (accessed: 22.09.2025).

Кроме того, как уже отмечалось, МГЭИК прямо признаёт необходимость максимального сокращения использования ископаемого топлива в мировом масштабе³⁰. Хотя в параграфе 29 решения КС использован термин «переходные виды топлива» (*transitioning fuels*), его определение не приведено. Иными словами, на уровне КС-28 было зафиксировано, какие действия призваны предпринять все государства до 2050 г. для достижения основной глобальной климатической цели. В перечень этих действий входит «переход от ископаемого топлива» (не исключая природный газ). На усмотрение же государств был оставлен лишь выбор того, каким способом достичь данной цели.

Учитывая, что в июле 2025 г. МС ООН своим консультативным заключением признал важный правовой эффект решений КС, преимущественную перед иными научными источниками доказательную силу докладов МГЭИК и в весьма отчёловой форме подчеркнул безусловно негативное отношение к любому ископаемому топливу (так же, как и в решении КС-28, то есть без оговорки «с несокращёнными выбросами»), можно констатировать продолжение и значительное ужесточение постепенного реформирования международного режима защиты климата по сценарию «зелёной энергетической революции»: регулятивное давление на нефтегазовую отрасль за последние пять лет последовательно усиливается, формируя всё более жёсткие правовые рамки её деятельности.

Дальнейшим проявлением усиливающегося юридического давления на нефтегазовую отрасль стала совместная декларация судей МС ООН Далвира Бхандари (Индия) и Сары Кливленд (США), в которой обычноправовой стандарткой осмотрительности интерпретируется как возлагающий на все государства обязательство проводить регуляторную политику, направленную на отказ от ископаемого топлива³¹.

Современную глобальную климатическую повестку принято критиковать за то, что лучшим доказательством её неэффективности и нереалистичности служит фактический рост производства и потребления углеводородного сырья в мире. Тем не менее в практическом отношении формулирование на международном универсальном уровне общих стандартов, отражающих негативное отношение к ископаемому топливу, – даже если текущая реальность им не соответствует – имеет очевидные и весьма серьёзные долгосрочные практические последствия. Главным из них становится появление инструмента легитимизации дискриминации ископаемого топлива и связанных с ним процессов, включая инфраструктуру его производства, транспортировки и использования, а также производство углеродоёмкой продукции, что может оказывать негативное воздействие на привлечение инвестиций в нефтегазовую отрасль.

Легитимность дискриминации ископаемого топлива и сопутствующих активов будет обосновываться ссылкой на публичный эколого-климатический интерес,

³⁰ МГЭИК считает, что «энергетические системы определяются в широком смысле, включая как физические, так и социальные элементы. Физическая инфраструктура включает в себя всю инфраструктуру и оборудование, используемые для добычи, преобразования, транспортировки, передачи и преобразования энергии для предоставления энергетических услуг. Помимо физической системы, к энергетической системе имеет отношение широкий спектр социальных систем и динамики. Человеческие общества используют энергию для перемещения себя и товаров, которые они используют и потребляют, для отопления, охлаждения и освещения своих домов, приготовления пищи, а также для производства товаров и услуг. Таким образом, энергетические системы связаны с системами, участвующими в предоставлении этих различных товаров и услуг». Подробнее см: IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change // Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/chapter/chapter-6/> (accessed: 22.09.2025).

³¹ Joint Declaration of Judges Bhandari and Cleveland // International Court of Justice. 23.07.2025. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-06-en.pdf> (accessed: 22.09.2025).

официально признанный всем международным сообществом. Этот инструмент уже активно тестируется идеологами «зелёной энергетической революции», например Европейским союзом в рамках введенного в 2023 г. пограничного углеродного механизма. Данный механизм налагает финансовое бремя на импортируемую углеродоёмкую продукцию, исключая при этом возможность учёта компенсационных природных решений при расчёте её углеродного следа. В частности, под действие механизма попадает продукция из России, климатическая политика которой отдаёт приоритет именно этим методам митигации.

При появлении реальных экономических и технологических предпосылок к структурному изменению мирового энергетического баланса – о которых как об уже свершившемся факте заявляют МЭА и Секретариат ООН – данный инструмент легитимной дискриминации будет задействован в полной мере. Это позволит обосновать необходимость ускоренного административно-командного уничтожения отрасли ископаемого топлива через отзыв лицензий, расторжение долгосрочных контрактов и другие аналогичные меры. Параллельно будет предпринята попытка переложить сопутствующие финансовые риски на государства-экспортёры углеводородов и нефтегазовых инвесторов. Им будет вменено в вину продолжение ведения бизнеса в условиях, когда они не просто осознавали климатическую неприемлемость ископаемого топлива, но и – в случае государств-экспортёров – официально поддержали консенсусное формирование на универсальном межправительственном уровне научно верифицированных стандартов, закрепляющих эту неприемлемость³².

Выгоды, которых за счёт «зелёной энергетической революции» хотят добиться её идеологи, вполне понятны. Результатом реализации данного сценария стало бы то,

что к 2050 г. ископаемое топливо и связанная с ним инфраструктура (участки недр, трубопроводы, хранилища, перерабатывающие заводы) превратились бы в неликвидные активы, подлежащие досрочному списанию или перепрофилированию для нужд ВИЭ. Это повлекло бы кардинальное изменение геополитического и геоэкономического ландшафта в пользу государств, обладающих технологиями возобновляемой энергетики. Такие государства не только прекратили бы выплачивать природную ренту за импорт углеводородов, но и начали бы аккумулировать технологическую ренту в свою пользу. Кроме того, благодаря цифровизации и искусственно-му интеллекту, они получили бы инструменты прямого управления новой глобальной энергетической системой в рамках нового технологического уклада.

Альтернативные сценарии: «зелёная энергетическая эволюция» или «золотая мера потребления»?

Комплексная оценка сценария «зелёной энергетической революции» требует методологического подхода, включающего целый набор критериев. Концепция модели интегрированной оценки устойчивости и безопасности «зелёного перехода» предназначена для системного и целостного анализа различных сценариев перехода, включая сценарий «зелёной энергетической революции» (рис. 1). Модель позволяет оценить соразмерность таких сценариев климатическим целям в их целостной взаимосвязи с другими критически важными параметрами, такими как энергетическая трилемма (баланс между безопасностью, доступностью и экологической устойчивостью), цели устойчивого развития ООН, планетарные экологические границы и международно-правовые рамки. Такой подход обеспечивает всестороннюю оценку рисков и последствий «зелёного

³² Подробнее см.: Гудков И.В. Климат: повестка для БРИКС + // Дипломатическая академия МИД России. 24.06.2024. URL: <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/> (дата обращения: 22.09.2025).

Рисунок 1

Источник: Гудков И.В. Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции. М.: МГИМО-Университет, 2024. С. 66.

перехода», исключая односторонний акцент исключительно на климатических аспектах и способствуя выработке сбалансированных политических решений.

Анализ сценария «зелёной энергетической революции» на базе данной модели демонстрирует, что на текущем этапе его реализация была бы сопряжена с рядом существенных рисков, вызовов и неопределённостей, что обуславливает необходимость дальнейшего углублённого междисциплинарного научного исследования [Гудков 2024].

Что касается основной – климатической – цели, неопределённость связана с методикой расчёта объёмов выбросов парниковых газов. При полном учёте косвенных выбросов, относящихся к так называемому охвату 3, под которым понимаются выбросы на стадии добычи неэнергетических

тических минералов, из которых производится инфраструктура ВИЭ, на стадии переработки этих минералов и на стадии утилизации отработавших объектов инфраструктуры ВИЭ, углеродный след ВИЭ резко возрастает. По расчётам ряда независимых исследователей, при полном учёте косвенных выбросов на базе корректных, а не искусственно смоделированных исходных данных, применяемых МЭА и МГЭИК, углеродный след ВИЭ приближается или даже превышает углеродный след инфраструктуры, работающей на определённых видах ископаемого топлива [Гулков 2024].

Для оценки соответствия сценария «зелёной энергетической революции» девяти планетарным экологическим границам необходим расчёт его совокупного эколого-климатического следа, который до настоящего времени полноценно и транс-

перентно не был проведён. В случае гипотетической реализации этого сценария в сжатые сроки – к 2050 году – развертывание в мире новой инфраструктуры ВИЭ потребовало бы мобилизации беспредентных объёмов энергетических, финансовых и природных ресурсов. Это включало бы изъятие из оборота колоссальных земельных и водных пространств, что создало бы чрезмерную нагрузку на планетарную экосистему и, по меткому выражению Дэниела Ергина, означало бы переход от «большой скважины» к «большому ковшу», что означает сохранение природно-ресурсной зависимости человечества при изменении её формы³³.

Оценка соответствия сценария «зелёной энергетической революции» принципу справедливости требует анализа межстранового распределения связанных с ним издержек. К ним относятся упущенная природная рента от неиспользованного ископаемого топлива, затраты на вывод из оборота углеводородных активов, расходы на создание инфраструктуры ВИЭ, а также углеродный след от её производства и обслуживания.

В рамках действующей «производственной» методики расчёта углеродного следа ответственность за выбросы парниковых газов при создании инфраструктуры ВИЭ ложилась бы преимущественно на развивающиеся страны – поставщиков минеральных ресурсов и производителей оборудования. В то же время развитые страны, потребляющие произведённую энергию, демонстрировали бы низкие прямые выбросы в период эксплуатации объектов ВИЭ, аккумулировали технологическую ренту и одновременно применяли пограничные углеродные сборы к импорту из развивающихся государств.

Аналогичным образом, вызывает обоснованные сомнения соответствие сценария «зелёной энергетической революции» другим указанным на Рис. 1 базовым кри-

териям: финансово-ресурсной и природно-ресурсной обеспеченности, энергетической триллемме, семнадцати целям устойчивого развития и действующим международно-правовым установкам [Гудков 2024].

Объективная интегрированная оценка сценария «зелёной энергетической революции», включая его совокупный экологоклиматический след, а также экономические, социальные и правовые последствия, позволила бы человечеству сделать обоснованный вывод о действительной природе данного перехода. Речь идёт о том, является ли он в действительности «зелёным», справедливым и соразмерным или же представляет собой скрытое под экологической риторикой перераспределение ресурсов в пользу развитых стран, усугубляющее глобальное неравенство и повышающее риски новых экологических, энергетических и продовольственных кризисов.

Однако критический анализ сценария «зелёной энергетической революции» сам по себе не является достаточным условием для формирования в мире альтернативного образа «зелёного будущего», который мог бы быть убедительно противопоставлен существующему нарративу. Подготовка альтернативного сценария перехода человечества к экономике с нетто-нулевыми выбросами и его эффективное продвижение на международной арене требуют серьёзного научного междисциплинарного и многофакторного обоснования, включающего обстоятельный сравнительный анализ последствий и моделирование экологоклиматического следа.

Возможной альтернативой мог бы стать сценарий «зелёной энергетической эволюции», основанный не на замещении ископаемого топлива возобновляемыми источниками, а на сбалансированном сочетании технологических и природных решений. Данный подход предполагает диверсифицированное использование комбинации ВИЭ, АЭС и ископаемого топлива, вклю-

³³ Yergin D. Bumps in the energy transition // International Monetary Fund. 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/12/bumps-in-the-energy-transition-yergin> (accessed: 22.09.2025).

чая производные от последнего низкоэмиссионные виды энергии. Ключевое место в этой системе занимает водород (H_2), расположенный в центре «треугольника энергетических ресурсов» современного «зелёного перехода», поскольку он может производиться как на базе ВИЭ и АЭС, так и на базе углеводородного сырья. При использовании соответствующих технологий углеводородный водород может стать низкоэмиссионным («голубой» или «бирюзовый» виды H_2). Кроме того, данный сценарий предусматривает расширенное использование природных ресурсов, нейтрализующих эмиссии: поглотительно-накопительных способностей экосистем и накопительных потенциалов геологических формаций. Эти два элемента заслуживают отнесения к категории критически важных природных ресурсов современного «зелёного перехода», обеспечивающих его устойчивость и безопасность.

В то же время оценка соразмерности любого сценария глобального «зелёного перехода» его климатической цели требует ответа на основной вопрос: возможно ли за счёт масштабирования использования низкоэмиссионных технологий гарантированно компенсировать рост выбросов, обусловленный увеличением мирового населения и экономическим развитием. Этот вопрос многие годы остаётся предметом дискуссии между сторонниками «зелёного роста» и приверженцами концепции «антироста» (или «построста»). Стоит отметить, что круг последних продолжает расширяться, их позиция имеет всё более весомое звучание, а их политическая, экономическая и социальная аргументация постепенно обогащается юридическими обоснованиями [Hickel, Slamersak 2022; Mauger 2023; Heffron 2023; Mastini, Kallis, Hickel 2021].

Концепция «антироста» рассматривает в качестве фундаментальной причины современных экологических, климатических и социальных проблем капиталистическую модель развития, сложившуюся за несколько столетий под влиянием наиболее развитых стран. Эта система, характеризуемая антидемократическими черта-

ми, ориентирована на расширение производства и потребления преимущественно в интересах наиболее обеспеченных слоёв общества. Постоянное увеличение производства и потребления, выдаваемое коллективным Западом за экономический рост, таковым не является, поскольку выражается исключительно в количественном росте ВВП. Такой рост лишён ценностного ориентира, так как не тождественен ни технологическим инновациям, ни социальному прогрессу, ни реальному повышению общественного благосостояния.

Сторонники концепции «антироста» полагают, что сохранение капиталистической модели развития приводит к тому, что масштабирование низкоэмиссионных технологий не только не решает экологические и климатические проблемы, но и усугубляет их, одновременно увеличивая социальное неравенство. Это утверждение основывается на двух ключевых аргументах.

Во-первых, в условиях капиталистической системы потребление энергии непрерывно растёт, опережая темпы внедрения низкоэмиссионных технологий. При этом сам процесс развёртывания таких технологий является крайне ресурсоёмким: он требует значительных энергетических, финансовых и материальных затрат, что создаёт дополнительную нагрузку на окружающую среду.

Во-вторых, существует резкий дисбаланс в распределении энергопотребления между развитыми и развивающимися странами. Например, 5% наиболее обеспеченной части населения мира из стран Запада потребляет больше энергии, чем 50% беднейшего населения, проживающего в странах Глобального большинства. Если последние используют энергию в лучшем случае для удовлетворения базовых потребностей, то наиболее богатые слои общества потребляют её в объёмах, значительно превышающих разумные потребности человека.

Несмотря на очевидную несправедливость глобального энергетического распределения, все разработанные МГЭИК кли-

матические сценарии до сих пор игнорируют этот дисбаланс. Они предусматривают сохранение привилегированного положения стран Запада, допуская уровень душевого энергопотребления в 2-3 раза выше, чем в странах Глобального большинства, тем самым фактически легитимизируя колониальную модель неравенства [Hickel, Slamerak 2022].

Сторонники концепции «антироста» указывают на фундаментальное противоречие между риторикой западных стран о необходимости срочного перехода к «зелёному будущему» и их реальной политикой: продолжающимся ростом внутреннего потребления на фоне нарастающих экзистенциальных экологических угроз, которые не могут быть компенсированы существующими технологическими решениями. Они видят решение экологических, климатических и социальных проблем не в технологическом энергетическом переходе, а в фундаментальной политico-экономической трансформации капиталистической системы. Согласно их позиции, развитые страны – если они действительно стремятся сохранить жизнепригодность планеты в рамках девяти планетарных границ – должны остановить рост потребления, включая энергетическое. В то же время страны Глобального большинства должны сохранить право на развитие, направленное на достижение достойного уровня жизни, включая необходимый для этого объём энергопотребления.

Предлагаемый представителями концепции «антироста» подход можно назвать сценарием «золотой меры потребления». Он имеет потенциал для политической поддержки, прежде всего, в странах Глобального большинства. Юридическим базисом его продвижения могли бы стать принципы предосторожности, пропорциональности, общей, но дифференцированной ответственности, взаимной выгоды и справедливости перехода.

Перспективным направлением исследований является комбинирование сценариев «золотой меры потребления» и «зелёной энергетической эволюции». Такой подход позволил бы, с одной стороны, достичь оптимального сочетания природных и технологических решений при обеспечении «золотой меры потребления» в развитых странах, а с другой – предоставить странам Глобального большинства на переходном этапе возможность использовать традиционный энергетический уклад на основе ископаемого топлива. Это соответствовало бы принципу общей, но дифференцированной ответственности, принципу справедливости перехода, а также принципу неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами. Данная идея находит отражение в недавно опубликованном Первом ежегодном национальном докладе о климатической повестке ИНП РАН России, где содержится призыв к внедрению концепции углеродных бюджетов, рассчитанных на основе накопленных нетто-выбросов парниковых газов на душу населения³⁴. Такой подход освобождает развивающиеся страны с низкими душевыми выбросами от жёстких ограничений на использование ископаемого топлива и экономический рост, в то время как развитые страны, исторически ответственные за большую часть глобальных выбросов, будут инвестировать в покупку углеродных единиц у развивающихся государств.

Заключение: выводы и предложения

Продвижение проекта «зелёной энергетической революции» осуществляется активно и стратегически последовательно. Используя институциональное влияние, развитые страны формируют международный климатический режим, который под видимостью коллективных решений фактически дискредитирует ископаемое топливо в соответствии с их интересами. Этот процесс, получивший подтверждение

³⁴ Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2025. URL: <https://ecfor.ru/publication/natsionalnyj-doklad-o-klimaticheskoi-povestke-v-rossii/> (дата обращения: 22.09.2025).

в консультативном заключении МС ООН, привёл к радикальному реформированию климатической политики без изменения основополагающих международных соглашений. Ключевыми элементами этой трансформации стали принципиальное признание климатической вредоносности ископаемого топлива, провозглашение необходимости его масштабного сокращения при наращивании ВИЭ, а также маргинализация роли природного поглощения парниковых газов, которое в период до достижения в мире «нетто-нуля» сводится к компенсации лишь технологически неустранимых выбросов.

Формирование на универсальном уровне общих стандартов климатического поведения, отражающих идеологию «зелёной энергетической революции», порождает существенные риски. В условиях неопределенности в ключевом вопросе о справедливом распределении бремени между странами, эти стандарты угрожают нарушить баланс в применении принципа общей, но дифференцированной ответственности, фундаментального, но до сих пор не раскрывшего свой потенциал. Интерпретация «дифференциированной ответственности», продвигаемая идеологами «зелёной революции» и не опровергнутая МС ООН, сводит её лишь к двум аспектам: праву развивающихся стран на более поздний пик выбросов и на получение помощи. При этом общим стандартом остается «переход от ископаемого топлива». Такое понимание означало бы не только безальтернативность сценария «зелёной революции», но и фактическое выхолащивание принципа, лишающее его какой-либо дополнительной ценности.

Фиксация «общей ответственности» в виде универсальных стандартов при одновременной неопределенности в вопросе о её «дифференциации» вносит в международные отношения опасный фактор нестабильности. Это связано с тем, что, как признал МС ООН, подобные чувствительные вопросы климатической политики получают реальный шанс перейти из естественной для них переговорной плоскости

в сферу международного правосудия. Суды, очевидно, не подходят на роль эффективного глобального регулятора энергетических стратегий государств, однако при этом способны осуществить глубокое вторжение в традиционно суверенную сферу их полномочий.

В то же время всё более очевидными становятся значительные вызовы и существенные издержки проекта «зелёной энергетической революции», которые ставят под сомнение его соответствие девяти планетарным экологическим границам, семнадцати целям устойчивого развития, принципам справедливости, соразмерности, взаимной выгоды и недискриминации. Критику вызывают такие аспекты данного проекта, как его колossalная ресурсоёмкость и ресурсная необеспеченность, полноценно не оценённый совокупный эколого-климатический след, а также усугубление неоколониальной зависимости развивающихся стран, выражющееся в их подчинении новым финансово-технологическим механизмам.

Идеологи проекта «зелёной энергетической революции», приравняв «зелёный переход» исключительно к энергетической трансформации, а «зелёное развитие» — к декарбонизации, и объявив ископаемое топливо главным виновником глобального потепления, осуществили концептуальную подмену. Это отвлекло внимание от системной причины антропогенного изменения климата — капиталистической модели общества, основанной на постоянном росте потребления, которая была внедрена и веками сохраняется развитыми странами. Текущий уровень потребления в богатых государствах многократно превышает показатели бедных стран. Сохранение этой модели, которое не опровергается в рамках текущей глобальной климатической повестки и игнорируется в докладах МГЭИК, не только закрепляет колониальное неравенство, но и ведёт к усугублению климатических, экологических, энергетических и продовольственных кризисов.

Для противодействия проекту всеобщей «зелёной энергетической революции»

необходимо формирование и продвижение на международном уровне альтернативного образа «зелёного будущего» человечества. В результате ползучего реформирования международного климатического режима, инициированного идеологами «зелёной энергетической революции», на универсальном уровне уже сформированы чёткие регулятивные рамки, закрепляющие исключительность данного подхода. Это делает запуск альтернативной концепции с каждым днём всё более сложной и одновременно неотложной задачей. Фактор времени становится решающим: отсутствие на международном межправительственном уровне активного, убедительного и содержательного противодействия доминирующему подходу будет интерпретировано как молчаливое согласие, подтверждающее его окончательный и необратимый характер, с принятием производных от него универсальных стандартов и всех вытекающих из заключения МС ООН сопутствующих рисков. Решение данной проблемы требует принципиально нового взгляда на глобальную климатическую повестку: необходимо перейти от роли «исполнителя-строителя», реализующего чужие проекты, к позиции «визионера-архитектора», способного создавать универсальные проекты и формулировать справедливые правила для всего мирового сообщества.

Сотрудничество России с дружественными государствами в рамках БРИКС+, а также потенциальное выборочное сотрудничество с новой администрацией США, заявившей о радикальном пересмотре климатической политики, создаёт уникальные возможности для формирования альтернативного проекта «зелёного будущего». Ключевым элементом должно стать замещение концепции «оставляйте ископаемое топливо под землёй» (*leave fossil fuels underground, LFFU*) принципом «богатые страны, потребляйте меньше» (*rich countries, consume less, RCCL*). Это требует активного участия в формировании международной научной повестки, включая очередной оценочный цикл МГЭИК, для обоснова-

ния тезиса о том, что «зелёный переход» не сводится к всеобщему «энергетическому переходу».

Необходимо также внедрить модель целостной объективной оценки устойчивости, безопасности и ресурсной обеспеченности «зелёного перехода», инициировав международную проверку сценария «зелёной энергетической революции». Это позволит зафиксировать связанные с ним риски и вызовы, обеспечив прозрачность и научную обоснованность принимаемых решений.

Важным шагом стало бы повышение статуса базовых определений международного климатического режима – перенос их обсуждения с уровня МГЭИК на уровень КС для ревизии или фиксации отсутствия договоренностей по некоторым из них. Это необходимо, в частности, для защиты роли природных решений как полноценных инструментов митигации в контексте выполнения «нетто-нулевой» установки и обеспечения принципа суверенитета над критически важными природными ресурсами, такими как поглотительно-накопительный потенциал экосистем.

Перспективным направлением также видится продвижение концепции углеродных бюджетов, основанных на накопленных нетто-выбросах на душу населения. Такой подход позволит создать справедливый и верифицируемый стандарт дифференцированного распределения климатической нагрузки между странами в зависимости как от уровня их экономического развития, так и от их вклада в решение мировых эколого-климатических проблем.

Учреждение многостороннего «климатического клуба» могло бы стать платформой для признания альтернативных научно обоснованных решений, включая природные методы поглощения парниковых газов и низкоэмиссионные технологии на основе ископаемого топлива. Это позволит учесть естественные конкурентные преимущества стран-участниц, включая Россию. В рамках такого клуба целесообразно запустить трансграничный рынок углеродных единиц, учитывающий резуль-

таты проектов, альтернативных «зелёной энергетической революции»³⁵.

В контексте глобальной дискуссии о целевых ориентирах развития³⁶ альтернативный проект «зелёного будущего» способен предложить человечеству, раздираемому конфликтами, новые позитивные гуманистические смыслы. Такой проект мог бы лечь в основу формирования антиимпериалистической, антикапиталистической и антиколониальной модели существования, основанной на принципах меритократии, гармонии с природой и осознанного использования достижений научно-технического прогресса.

Тем самым фокусировка «зелёного перехода» была бы смещена с замены ископаемого топлива на трансформацию стандартов человеческого поведения. Такой подход соответствует признанной Международным судом ООН позиции, оставляющей пространство для альтернативных

решений климатической проблемы. Суд подчеркнул, что «долгосрочное и удовлетворительное решение требует человеческой воли и мудрости – на индивидуальном, социальном и политическом уровнях – чтобы изменить наши привычки, комфорт и нынешний образ жизни, чтобы обеспечить будущее для себя и тех, кому ещё предстоит жить»³⁷.

От создания и успешности реализации проекта «зелёного будущего», отличного от сценария «зелёной энергетической революции», в значительной степени зависит исход ведущейся под прикрытием глобальной климатической повестки борьбы за перераспределение ресурсов и сфер геополитического и геоэкономического влияния в меняющемся мире. Успех этого проекта определит, кто будет контролировать рычаги управления мировой энергетической системой – а значит, и глобальные механизмы управления в целом.

Список литературы

- Гудков И.В. «Климатический приговор» ископаемому топливу: окончательный и обжалование не подлежит? // Энергетическая политика. 2023. №12. С. 46–59. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_12191_46
- Гудков И.В. Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции. М.: «МГИМО-Университет», 2024. 393 с.
- Гудков И.В., Энтин М.Л. Односторонние «антироссийские» санкции: как усилить ответ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. №3. С. 53–68. DOI: 10.61205/S199132220034841-1
- Гудков И.В., Энтин М.Л. Обязательства государств по защите климата: консультативное заключение Международного суда ООН // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. № 5.
- Bataille C., Khourdajie A., Coninck H., Kleijne K., Nilsson L., Bashmakov I., Davis S., Fennell P. Defining ‘abated’ fossil fuel and industrial process emissions // Energy and Climate Change. 2025. Vol. 6. 11 p. DOI: 10.1016/j.egycc.2025.100203
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. What motivates the ‘green’ transition: Russian and European perspectives // Resources Policy. 2023. Vol. 81. No. 103129. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.103128
- Fyock C. What Might Degrowth Mean for International Economic Law? A Necessary Alternative to the (Un)Sustainable Development Paradigm // Asian Journal of International Law. 2022. Vol. 12. № 1. P. 40–62. DOI: 10.1017/s2044251322000030

³⁵ О предложениях по наполнению международной климатической повестки подробнее см.: Гудков И.В. Климат: повестка для БРИКС +; Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России; BRICS Just Energy Transition Report. 2024. URL: <https://rosenergo.gov.ru/upload/press-center/BRICS-JET-Report-2024.pdf> (accessed: 22.09.2025).

³⁶ Караганов С.А. Живая идея-мечта России. Кодекс россиянина в XXI веке // Россия в глобальной политике. 11.07.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zhivaya-ideya-mechta-rossii/> (дата обращения: 22.09.2025).

³⁷ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 456.

- Heffron R.* Energy Law in Crisis: An Energy Justice Revolution Needed // *Journal of World Energy Law and Business*. 2022. Vol. 15. № 3. P. 167–172. DOI: 10.1093/jwelb/jwac012
- Hickel J., Slamersak A.* Existing climate mitigation scenarios perpetuate colonial inequalities // *Lancet Planet Health*. 2022. Vol. 6. № 7. P. e628-e631. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00092-4.
- Mastini R., Kallis G., Hickel J.* A Green New Deal without growth? // *Ecological Economics*. 2021. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2020.106832
- Mauger R.* Finding a needle in a haystack? Identifying degrowth-compatible provisions in EU energy law for a just transition to net-zero by 2050 // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2023. Vol. 41. № 2. P. 175-193. DOI: 10.1080/02646811.2023.2187549.

CLIMATE AND LAW

HOW TO FORMULATE AN ATTRACTIVE IMAGE OF A FAIR “GREEN FUTURE”

IVAN GUDKOV

MARK ENTIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the legal and political aspects of the concept of a “green future” for humanity, which should guide the international climate protection regime. The first part of the article systematizes the conclusions made by the International Court of Justice in its 2025 advisory opinion on the international legal climate obligations of states. The second part, based on an analysis of decisions under the UN Framework Convention on Climate Change and reports of the Intergovernmental Panel on Climate Change, reveals the current status of the international legal climate protection regime. It concludes that over the past five years, the global climate protection regime has been reformed according to a “green energy revolution” scenario, which implies an accelerated transition from fossil fuels to renewable energy sources. As a result of this reform, the thesis of the climate unacceptability of all types of fossil fuels has been established at the global intergovernmental level, a position confirmed by the International Court of Justice. The Court’s opinion reflects an emerging presumption of illegality regarding activities related to the financing, exploration, development, and consumption of hydrocarbon resources. The third part of the article proposes a model for a comprehensive integrated assessment of the sustainability and security of the “green transition,” within which the risks and challenges of the “green energy revolution” scenario are analyzed, and possible alternative scenarios are explored.

Keywords:

energy and climate law and policy; greenhouse gas emissions; emission reduction; carbon dioxide removal; fossil fuels; energy transition; International Court of Justice; advisory opinion; international climate protection commitments; UNFCCC; Paris Agreement; IPCC.

References

- Bataille C., Khourdajie A., Coninck H., Kleijne K., Nilsson L., Bashmakov I., Davis S., Fennell P. (2025) Defining ‘abated’ fossil fuel and industrial process emissions // *Energy and Climate Change*. Vol. 6. 11 p. DOI: 10.1016/j.egycc.2025.100203
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. (2023) What motivates the ‘green’ transition: Russian and European perspectives // *Resources Policy*. Vol. 81. No. 103129. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.103128

- Fyock C. (2022) What Might Degrowth Mean for International Economic Law? A Necessary Alternative to the (Un)Sustainable Development Paradigm // *Asian Journal of International Law*. Vol. 12. No 1. P. 40–62. DOI: 10.1017/s2044251322000030
- Gudkov I.V. (2023) «Klimaticheskiy prigovor» iskopaemomu toplivu: okonchatel'nyy i obzhalovaniyu ne podlezhit? [A Climate Verdict on Fossil Fuels: Final and Not Subject to Appeal?] // *Energy Policy Journal*. No. 12. P. 46–59. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_12191_46
- Gudkov I.V. (2024) *Energeticheskiy perekhod i pravo: klimat, torgovlya, investitsii* [Energy Transition and Law: Climate, Trade, Investment]. Moscow: MGIMO-University Publishing House. 393 p.
- Gudkov I.V., Entin M.L. (2025) Unilateral “Anti-Russian” Sanctions: How to Strengthen the Response // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. Vol. 21. No. 3. DOI: 10.61205/S199132220034841-1
- Gudkov I.V., Entin M.L. (2025) Obyazatel'stva gosudarstv po zashchite klimata: konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo suda OON [Obligations of States to Protect the Climate: Advisory Opinion of the International Court of Justice] // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 5.
- Heffron R. (2022) Energy Law in Crisis: An Energy Justice Revolution Needed // *Journal of World Energy Law and Business*. Vol. 15. № 3. P. 167–172. DOI: 10.1093/jwelb/jwac012
- Hickel J., Slamersak A. (2022) Existing climate mitigation scenarios perpetuate colonial inequalities // *Lancet Planet Health*. Vol. 6. № 7. P. e628-e631. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00092-4.
- Mastini R., Kallis G., Hickel J. (2021) A Green New Deal without growth? // *Ecological Economics*. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2020.106832
- Mauger R. (2023) Finding a needle in a haystack? Identifying degrowth-compatible provisions in EU energy law for a just transition to net-zero by 2050 // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. Vol. 41. No 2. P. 175-193. DOI: 10.1080/02646811.2023.2187549.